DOI 10.24412/2658-3550-2026-1-124-146
УДК 902/904(5-012)

ДРЕВНЕЙШИЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФОРМ КЕРАМИЧЕСКОЙ ПОСУДЫ

О.В. Яншина

Статья посвящена происхождению форм керамических сосудов. Данный вопрос рассматривается на материалах древнейших керамических комплексов Восточной Азии. В первой части работы анализируется имитационная гипотеза, предполагающая, что первые керамические сосуды изготавливали, подражая форме ёмкостей, сделанных из других материалов. Показано, что археологические источники Восточной Азии не предоставляют пока прямых доказательств в пользу этой версии, однако косвенно на это указывают «текстильные» орнаменты на сосудах. Вторая часть статьи посвящена функциональной специализации керамических сосудов, которая устойчиво отличала посуду ранних земледельцев от посуды у охотников-собирателей, причем как на востоке, так и на западе Евразии, но каковы ее истоки? Автор обращает внимание, на отсутствие необходимых технологических предпосылок для её возникновения в Китае и, напротив, на наличие длительного периода их складывания в Передней Азии. Это наблюдение подталкивает его к допущению, что становление земледельческих культур в Китае могло проходить на фоне складывания трансевразийских связей между земледельцами запада и востока Евразии. Дополнительные основания для такого допущения даёт синхронность возникновения у них керамической посуды, а также наличие у неё иных сходных черт (популярность красного ангоба, добавление доместицируемых растений в формовочную массу, поддоны, ножки, налепные ручки и др.). Кроме того, согласуется с ним и тот факт, что керамическая посуда параллельно, и столь же стремительно, распространялась среди охотников-собирателей Северной Евразии, и при этом она отличалась здесь своим особым и резко отличающимся морфологическим стереотипом. Дальнейшие исследования должны ответить на вопрос, является ли общность форм керамической посуды внутри каждого из этих двух миров следствием передачи

Яншина Оксана Вадимовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Yanshina Oksana Vadimovna, PhD, Senior Researcher at the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.

Email: oyanshina@mail.ru

культурных стереотипов по сетям через разные механизмы культурного взаимодействия или же обусловлена единством их хозяйства и образа жизни, как это всегда предполагалось.
Ключевые слова: Восточная Азия, происхождение форм керамических сосудов, имитационная гипотеза, охотники-собиратели, ранние земледельцы, функциональная специализация посуды, трансевразийские контакты.

FORM AND FUNCTION IN THE EARLIEST CERAMICS OF EAST ASIA: RETHINKING THE ORIGINS OF VESSEL SHAPES

O.V. Yanshina

This paper addresses the origins of ceramic vessel forms, drawing on evidence from the earliest ceramic complexes of East Asia. The first part of the study examines the imitative hypothesis, which proposes that the first ceramic vessels were fashioned after containers made of other materials. It is shown that East Asian archaeological sources do not yet provide direct evidence in support of this hypothesis; however, indirect support may be found in the presence of "textile" impressions on vessel surfaces. The second part of the paper focuses on the functional specialization of ceramic vessels — a feature that consistently distinguished the pottery of early agriculturalists from that of hunter-gatherers, both in the eastern and western parts of Eurasia. The author inquires into the origins of this distinction, noting the absence of the necessary technological preconditions for its emergence in China, in contrast to the prolonged period of their formation in Southwest Asia. This observation leads to the suggestion that the development of agricultural societies in China may have occurred against the background of emerging trans-Eurasian contacts between the agricultural populations of western and eastern Eurasia. Additional support for this proposition comes from the chronological synchronicity of the appearance of pottery in these regions, as well as from other shared traits (e.g., the popularity of red slip, the inclusion of domesticated plants in the potting clay, pedestals, legs, applied handles, and others). Furthermore, this hypothesis is consistent with the fact that pottery spread simultaneously and equally rapidly among hunter-gatherers across northern Eurasia, where it was characterized by its own distinct and markedly different morphological template. Future research should address the question of whether the morphological uniformity of ceramic vessels within each of these two spheres reflects the transmission of cultural patterns through interaction networks via various mechanisms of cultural exchange, or whether it is rooted in the unity of their subsistence strategies and way of life, as has long been assumed.
Keywords: East Asia, origins of pottery forms, imitative hypothesis, functional specialization of vessels, hunter-gatherers, early farmers, trans-Eurasian contacts.

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья является переработанной версией доклада, представленного на заседании специализированного керамологического семинара Государственного Эрмитажа, посвящённого принципам формообразования керамических сосудов[1]. Исходя из сферы моих научных интересов, основной смысл своего участия в этом семинаре я видела в том, чтобы попытаться рассмотреть заявленную тему на примере древнейших образцов керамической посуды, обнаруженных на востоке Азии. Что они дают нам для понимания данного сложного комплекса вопросов? Понятно, что такая постановка задачи подталкивает к рассмотрению темы в контексте проблемы происхождения гончарства. И это действительно интересный ракурс её исследования, поскольку ранее многие её аспекты рассматривались почти исключительно на поздних материалах (Бобринский 2006; Rise 1999).

Предварительный обзор литературы, посвящённой разным аспектам становления гончарства в Евразии, показывает, что основных тем в обсуждении морфологии древнейших образцов керамической посуды две. Одна из них связана с проблемой поиска прототипа форм первых керамических сосудов, а вторая — с пониманием причин чрезвычайной устойчивости базовой формы керамических сосудов в северной лесной зоне Евразии, населённой в эпоху повсеместного распространения керамических технологий разными группами охотников-собирателей. К сожалению, обе эти темы по разным причинам очень трудны для разработки и очень далеки от своего окончательного решения.

В данной статье, как и в оригинальном докладе, моё внимание будет сосредоточено на двух вопросах, которые, надеюсь, будут востребованы специалистами, интересующимися историей становления гончарного производства. Это вопрос об имитативной природе первых керамических ёмкостей и вопрос о различиях форм керамической посуды, сложившихся на востоке Азии в культурах охотников-собирателей и первых земледельцев. Первый является традиционным для историографии, сформировавшейся вокруг проблемы происхождения гончарства, а второй, напротив, по существу ещё не рассматривался, но весьма интересен.

ПРОБЛЕМА ПРОТОТИПА

Вопрос об истоках форм первых керамических сосудов является одним из ключевых в исследованиях, посвящённых происхождению гончарства. Сперва в зарубежной, а затем и в отечественной историографии уже давно сложилось и прочно укоренилось мнение о том,

[1] Научно-методологический семинар «Керамология». URL: https://www.hermitagemuseum.org/research/conferences/conf_36.

что формы первых керамических сосудов были обусловлены формами ёмкостей, уже использовавшихся в быту на тот момент, но сделанных из иного сырья. Отсюда происходит и «корзиночная» теория происхождения керамической посуды, а также обусловленный ею широкий круг версий о технологических особенностях формовки первых керамических ёмкостей — на шаблоне, с помощью лоскутов и т.п., которые распространены как в научной среде, так и в научно-популярной литературе (Rise 1999; Жущиховская 2004: 49—51; Цетлин 2012: 244—267; Hommel 2012: 47—49, 2013).

Важнейшим источником для формулирования этой гипотезы стали археологические и этнографические материалы, накопленные ко второй половине XX в. Они прямо указывали именно на такое развитие событий: сначала посуда из любых других материалов, затем из керамики. Ключевую роль здесь сыграли переднеазиатский комплекс данных, отражавший на тот момент древнейший пласт находок керамических сосудов, а также северо-американский, который хоть и имел существенно более позднюю хронологию, но в целом соответствовал гипотезе, сформировавшейся на основе переднеазиатских источников.

Однако, как мы знаем, в конце XX в. на востоке Азии была открыта новая группа памятников с керамикой гораздо более ранней, чем переднеазиатская. И эти сведения оказались в противоречии со многими сложившимися ранее представлениями о происхождении гончарства и влиявших на этот процесс факторах, тем самым существенно изменив весь дискурс, сложившийся вокруг данного вопроса (Jordan, Zvelebil 2009). Уже более тридцати лет идёт процесс осмысления новых находок, но эти противоречия всё ещё не сняты.

Древнейшая керамика Восточной Азии

В развитии древнейших гончарных традиций на востоке Азии выделяются два этапа, граница между которыми проходит где-то в интервале между 9000 и 8000 кал. л.н. Для первого этапа было характерно появление и длительное существование керамической посуды в пределах трёх строго ограниченных географических ареалов (Японские о-ва, Приамурье, возможно, Южный Китай и Забайкалье), для второго — уже массовое распространение керамической посуды по ойкумене, в том числе появление в Китае первых земледельческих культур с совершенно новым керамическим комплексом (Yanshina 2019). Важно, что начало второго этапа примерно совпало по времени с началом керамической революции по всей Евразии (Dolbunova et al. 2023), в этот же период керамическая посуда появляется и у ранних земледельцев Передней Азии (Petrova 2019; Яншина 2021: 290—301, рис. 102).

Ранняя керамика Восточной Азии стала своего рода вызовом для имитационной гипотезы, поскольку ни сама форма керамических сосудов, ни другие категории археологических источников на востоке Азии не подтверждают её прямо. И именно это заставляет ставить

вопрос, а только ли имитационной могла быть природа форм первых керамических ёмкостей или же возможны иные варианты. Правомерность его постановки вполне очевидна — то, что происходит в одном регионе, не обязательно будет происходить в другом, и вообще неясно, могут ли здесь вообще существовать какие-то универсалии. Рассмотрим, в чём же новая группа источников не согласуется с имитационной версией?

Во-первых, на огромных пространствах Восточной Евразии известны всего две-три находки ёмкостей из органических материалов или камня, которые предшествовали здесь появлению первых керамических сосудов. Все они происходят из континентальных районов Восточной Сибири и по форме совсем не похожи на будущие керамические контейнеры бассейна Японского моря, Приамурья или Забайкалья (Yanshina 2023). К их числу относятся небольшие сосуды из бивня, найденные на Янской стоянке в слоях, датируемых ~27—28,5 тыс. л.н. Один из них сохранился полностью, имел подтреугольную в плане форму со слегка выпуклым дном и высоту около 3 см (Pitul'ko et al. 2012). Другая группа находок включает фрагменты каменных сосудов, найденные в Забайкалье на ст. Сухотино-4 в слоях с возрастом

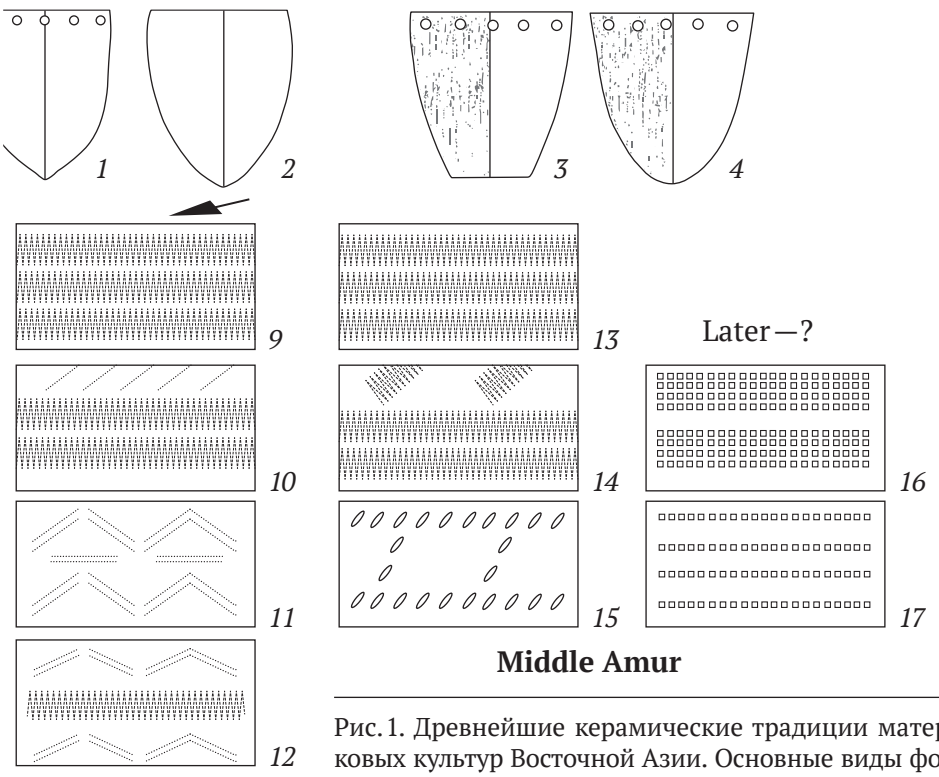
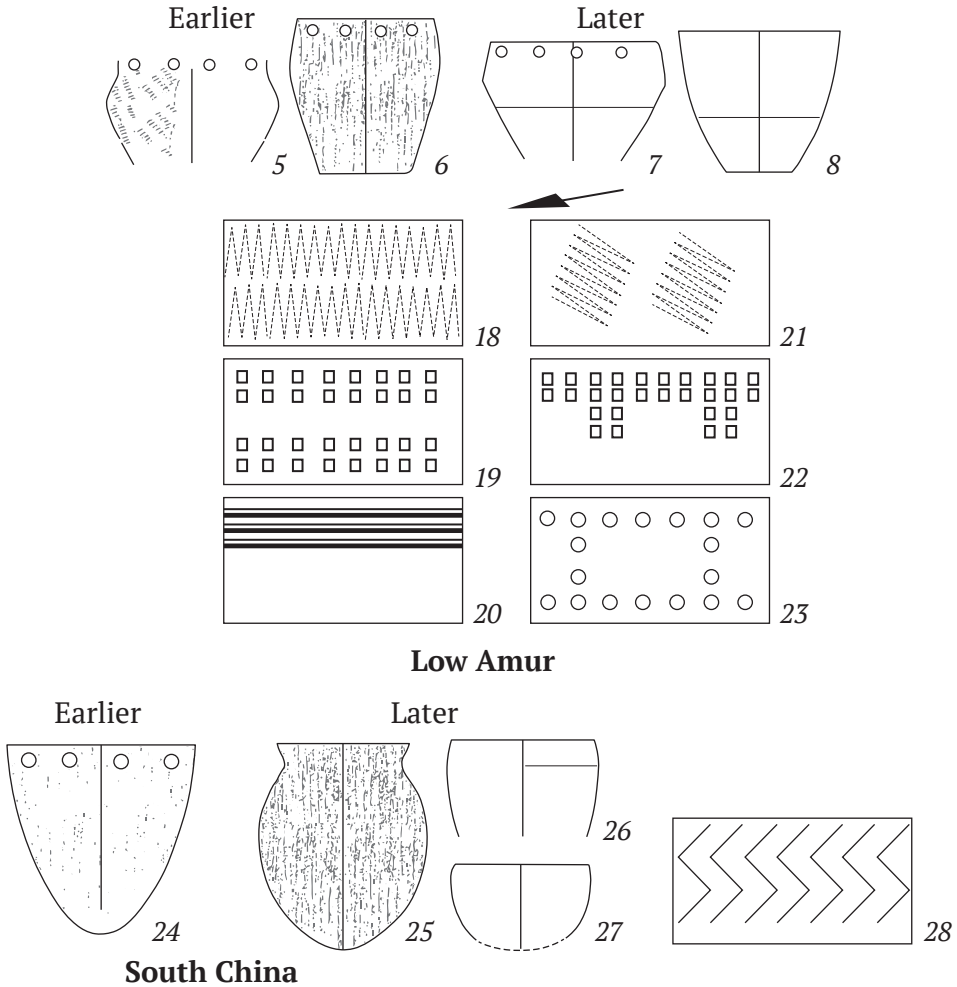

Рис. 1. Древнейшие керамические традиции материковых культур Восточной Азии. Основные виды форм и орнамента. Серая заливка отмечает зоны декоративного орнамента, штриховая — зоны технического декора. Керамика Южного Китая не показана ввиду отсутствия опубликованных реконструкций сосудов из пещер Юйчаньянь и Сяньжэньдун. Типичные образцы раннеголоценовой керамики Южного Китая показаны на рис. 5 (культура диншишань)

~16,8 тыс. л.н. (Филатов 2016). Эти сосуды изготовлены из диорита пикетажем и, возможно, с использованием абразивной техники. Предполагается, что они представляют два типа сосудов: небольшую плоскую миску неясной в плане формы со слегка выпуклым дном, шириной около 5 см и сосуд более высокий с обломками стенок высотой до 12—15 см, но опять же неясной формы. И, наконец, ещё одна овальная чашечка была найдена на ст. Мальта в Прибайкалье. Она изготовлена из коленной чашечки крупного млекопитающего и датируется периодом 22—19 тыс. л.н., её ширина 5—6 см, высота — 4 см[2].

Во-вторых, сами формы первых керамических сосудов с интересующей нас точки зрения крайне невыразительны. Во всех обозначенных выше ареалах Восточной Азии на первом этапе развития керамические сосуды представляли собой высокие ёмкости, более всего напоминающие общей формой глубокие сумки, которые и принимаются за прототип чаще всего (рис. 1, 2). Особенно в этом отношении

[2] Чашка. URL: http://malta.artemiris.org/ru/find/view/88.

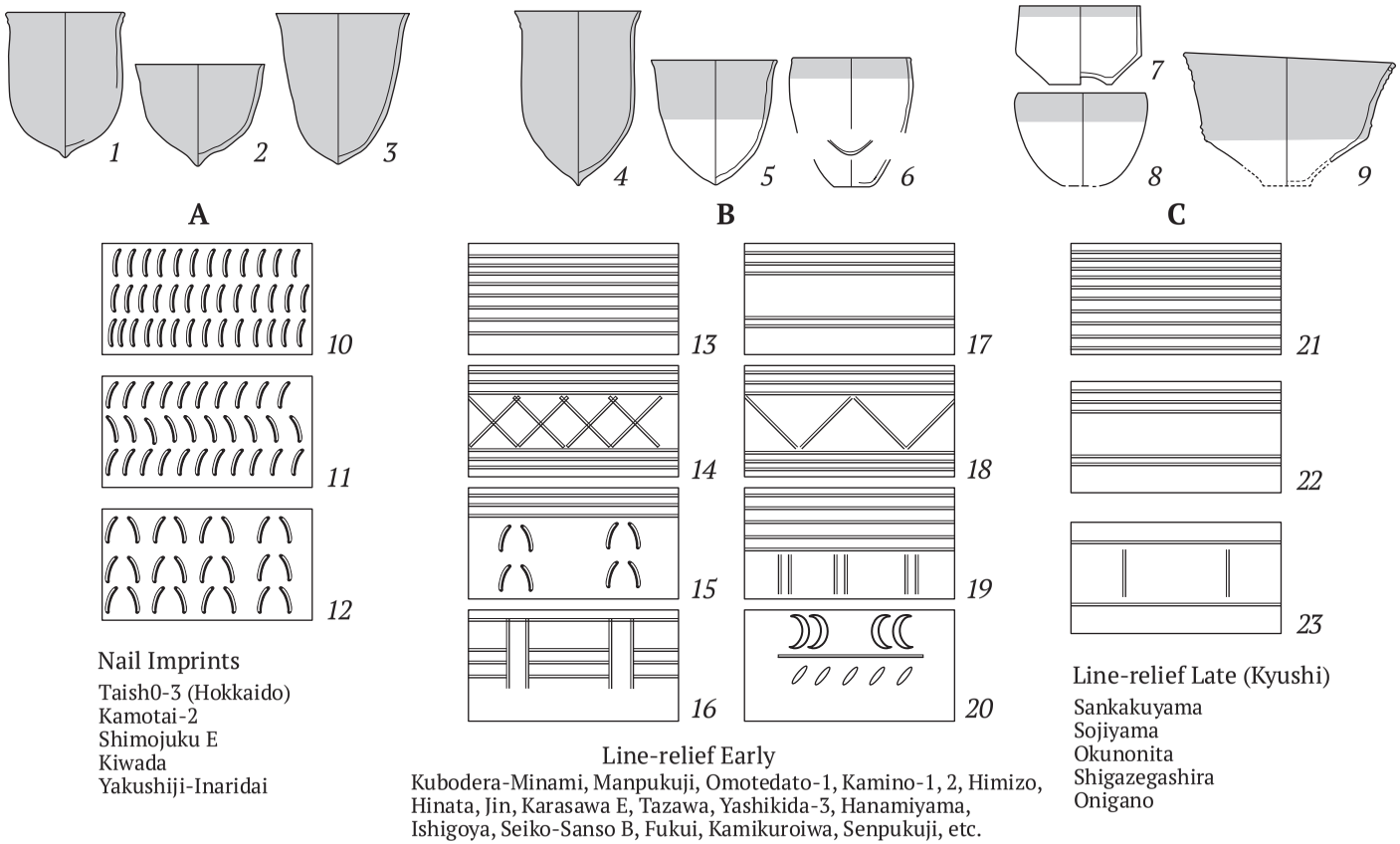

Рис. 2. Древнейшие керамические традиции Японского архипелага. Основные виды форм и орнамента. Серая заливка отмечает зоны декоративного орнамента, технический орнамент отсутствует. *1—2* — Тайсо-3; *3* — Симодзюку Е; *4* — Омотедате-1; *5* — Ханамияма; *6* — Кубодера — Минами; *7—8* — Санкакуяма; *9* — Сигадзэгасира

показательны сосуды с шиповидным дном, где шип может воспроизводить узел, стягивавший мягкое полотно с одного конца.

Косвенным подтверждением возможной связи керамических сосудов этого этапа с ёмкостями из иных материалов могут выступать узоры на них, напоминающие текстильные фактуры. Среди них выделяются две орнаментальные традиции — континентальная и островная, однако сам характер текстильных изделий, которые могли копироваться в орнаментах, они, к сожалению, не проясняют (см. подробнее: Яншина 2016, 2018).

Исходя из самих узоров, можно предположить, что это могли быть как мягкие изделия типа циновок и сумок, так и более устойчивые контейнеры, которые могли стать прототипами не только для узоров, но и для форм первых керамических ёмкостей. Тем не менее, опираясь на доступные археологические материалы, позволяющие проследить динамику становления текстильного производства, главным образом европейские и североамериканские, мы всё же можем полагать, что сначала появлялись изделия мягкие и только затем твёрдые.

Некоторые исследователи, правда, находят отпечатки, похожие на текстильные, на поверхностях первых керамических сосудов, но, во-первых, они единичные, во-вторых, крайне спорные в силу общей нечёткости, в-третьих, среди них уверенно распознаются пока только отпечатки верёвок, которые формально тоже считаются текстилем (Hearle 2016). К тому же обнаружены они только на Амуре и исключительно российскими исследователями, разделяющими гипотезу о наличии функциональной связи между корзинами и первыми керамическими сосудами (см., напр.: Hyland et al. 2002; Жущиховская 2004: 24—47; Медведев и др. 2016: 124).

Нужно напомнить, что первые реальные находки плетёных структур на востоке Азии пока имеют только раннеголоценовые даты (Kuzmin 2012; см. также: Li Liu, Leping Jiang 2005), т.е. они на несколько тысяч лет моложе, чем первые керамические сосуды. Конечно, это может быть следствием действия фактора сохранности, но всё равно никак не меняет ситуацию, ведь доказательств нет.

В контексте обсуждения показательны массовые находки древнейших плетёных изделий, сделанные недавно на юге Японского архипелага на стоянке раннего дзёмона Хигасимийо (Higashimyo) (Noshiro Shuichi et al. 2019). Большинство из них представляли собой ёмкости для транспортировки, хранения или переработки дубовых желудей (35—46 кг в одной корзине), найдены они преимущественно в ямах для хранения. По форме они представляют нечто среднее между мягкими сумками и корзинами, имеют округлое и расширенное придонье и зауженное относительно него устье (рис. 3). Подобных грушевидных форм среди керамических сосудов Японии нет (Kobayashi Tatsuo 2008), но отчасти похожие появляются примерно в то же время или чуть раньше на юге Китая в памятниках типа пещеры Цзэнпиянь (рис. 4: *8*)

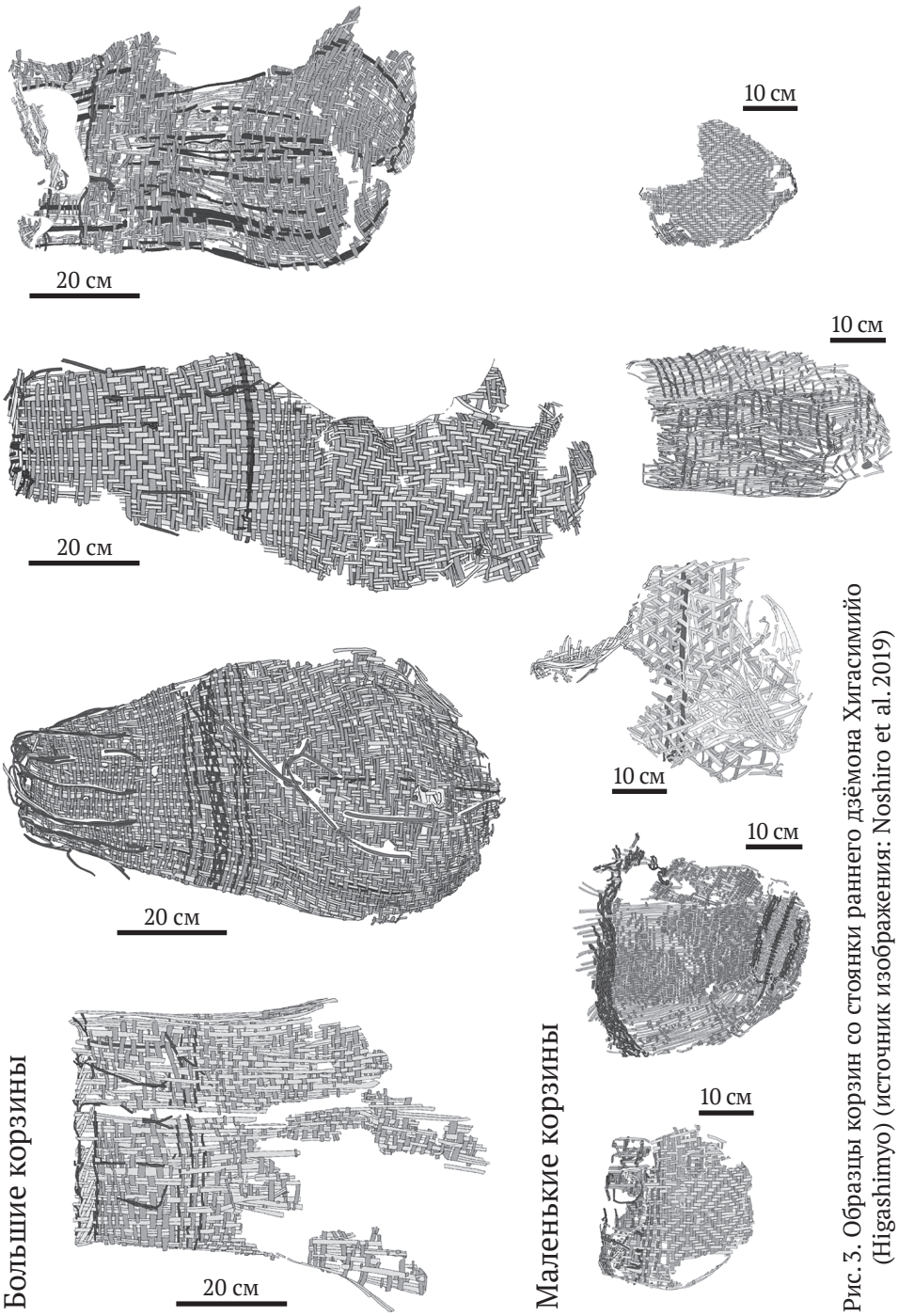

Рис. 3. Образцы корзин со стоянки раннего дзёмона Хигасимийо (Higashimyo) (источник изображения: Noshiro et al. 2019)

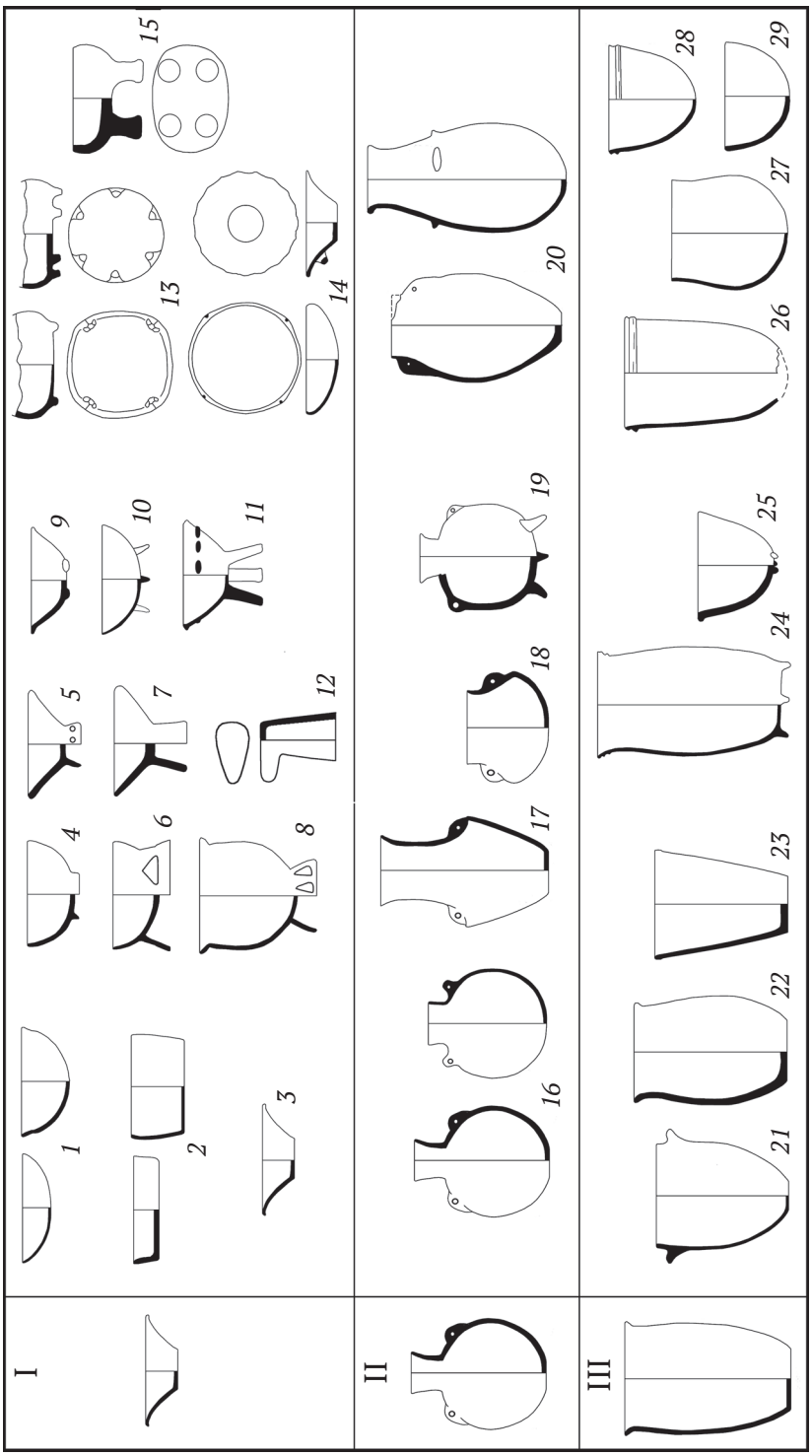

Рис. 4. Основные типы сосудов раннего неолита Китая: *I* — миски (*1—15*), в том числе на поддонах (*4—8*), триподы (*9—10*), полиподы (*13, 15*), отдельные «ножки»-подставки для сосудов (*12*), а также миски с многоугольным устьем (*14*); *II* — сосуды с горловиной (*16—20*); *III* — сосуды слабопрофилированные и без горловины (*21—29*). Составлено по: (История 2016: 169—213; Cohen 2011; Huang Hai 2008)

(Zengpiyan 2003; см. также: Яншина 2021). Понять, что на что влияло, даже эти массовые находки пока не позволяют, но интересно, что орнаменты на корзинах не имеют ничего общего с узорами на современных им керамических сосудах, хотя последние всё же напоминают нам какие-то схемы плетения на корзинах, пусть и иные.

Таким образом, мы не знаем, какими могли быть текстильные изделия, послужившие источником вдохновения для орнаментации первых керамических сосудов (кроме верёвок), находок текстиля сопоставимого времени нет. Но в целом «текстильные» орнаменты оставляют пространство для развития гипотезы о возможной связи между керамическим и текстильным производствами на ранних этапах их развития, а следовательно, и для гипотезы об использовании текстильной посуды в качестве прототипа для керамической.

Всё-таки имитация?

Таким образом, новые дальневосточные материалы, отражающие древнейшую фазу становления гончарства в мире, пока мало что дают в поддержку имитационной гипотезы происхождения форм керамической посуды. Однако значит ли это, что имитационная версия ошибочна? Я бы сказала, что нет. Прежде всего потому, что убедительные доказательства этого также отсутствуют. В то же время есть два общих рассуждения, которые заслуживают внимания и идут, скорее, в её защиту.

Одно из них вытекает из теории биокультурной эволюции, предполагающей, что культура человека в целом и технологии в частности развиваются коллективными усилиями, каждый раз добавляющими к уже имеющимся знаниям и умениям какую-то небольшую новацию, возникшую на их основе (Boyd, Richerson 1996; Mesoudi, Thornton 2018; Месуди 2019). Если теория верна, то для того, чтобы изобретение керамической посуды стало возможным, в репертуаре культуры уже должны были присутствовать ёмкости из иных материалов либо в виде реальных предметов быта, либо в виде идеи или потребности, материальной реализацией которых и стали керамические сосуды.

Второе рассуждение исходит из того, что чем примитивнее культура, тем у́же спектр доступных ей инновационных механизмов, и доминирующую роль в ней играют самые простые из них, связанные с подражанием, в то время как более сложные механизмы (комбинаторные, направленная модификация, экзаптация, эксперимент и т.п.) требуют большего задела знаний, большей когнитивной и технологической сложности и более разветвлённых и развитых социальных сетей (Boyd, Richerson 1996; Frieman 2013, 2021).

Хотя я в целом разделяю обе эти позиции, важно понимать, что «могли использовать» и «использовали в действительности» — это не одно и то же. Прямой мостик между первыми керамическими сосудами и их возможными прототипами (из дерева, травы, шкур и т.п.) перекинуть невозможно хотя бы потому, что, исходя из современных взглядов, многократно подтверждённых экспериментами, даже «слепое» копирование предмета почти всегда идёт параллельно с искажениями и намеренными изменениями, улучшающими его функциональные свойства (Eerkens, Lipo 2005; Schillinger et al. 2015; Lucas et al. 2020). Отсюда понятно, что в ходе этого процесса форма будущего керамического сосуда могла измениться по сравнению с оригиналом, и весьма существенно.

Наконец, последнее наблюдение, которым хотелось бы поделиться. И в отношении имитационной версии происхождения форм керамических сосудов, и в любом другом вопросе, касающемся происхождения гончарства, крайне важно понимать, что нельзя ставить на одну доску более сложные и технологически развитые культуры с более примитивными. Однако, несмотря на всю очевидную справедливость данного предостережения, оно тем не менее систематически нарушается в литературе.

Если с учётом сказанного подойти к имитационной гипотезе, мы увидим, что само понятие имитации при анализе инновационных продуктов, действительно самых ранних и более близких к нам по времени, будет означать совершенно разное. В первом случае оно будет указывать на какие-то интеллектуальные и технологические ограничения, общую слабость и неразвитость технологической культуры, во втором — на наличие художественного, символического замысла, продиктованного разными культурными обстоятельствами.

Одно дело, когда первый сделанный из глины горшок копирует форму знакомой ёмкости просто потому, что возможности нового сырья ещё не познаны в полной мере или ещё не сложились потребности в новом изделии, и совсем другое, когда в основе этого процесса лежит осознанное желание мастера воспроизвести совершенно определённую форму, потому что она имеет для него особое значение. В первом случае мы будет говорить о подлинной имитативной природе, во втором — скорее об изобразительной деятельности или творчестве, которые и приводят к созданию сосудов, например, в форме животного, тыквы, коровьего вымени и т.п.

Таким образом, и по сути, и терминологически мы должны различать имитацию как инновационный и как изобразительный приём. Грань между ними тонкая, но она есть — и для обсуждения проблем происхождения гончарства крайне чувствительная.

О РАЗЛИЧИЯХ ПОСУДЫ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ И ОХОТНИКОВ-СОБИРАТЕЛЕЙ

Ещё один аспект вопроса о происхождении форм керамической посуды связан с обсуждением их отличительных черт в культурах охотников-собирателей и земледельцев. Тот факт, что посуда этих двух основных типов культур принципиально различается, известен давно. Трудно не заметить, что сосуды земледельцев изготавливались с помощью более совершенных технологий, отличались более сложным оформлением и в том числе многообразием форм. Однако сам по себе этот факт никогда не вызывал особого исследовательского интереса. Пока керамическая посуда земледельцев считалась древнейшей, её упрощенный облик у охотников-собирателей можно было объяснять утратой сложности при её заимствовании — под давлением иной среды и культуры.

Однако с открытием на востоке Азии более древней керамической посуды ситуация изменилась, ведь здесь теперь фиксируется обратный вектор развития — от керамики охотников-собирателей к керамике земледельцев, и он открывает совершенно иные перспективы для понимания причин формирования обсуждаемых различий.

По большому счёту, на востоке Азии просматриваются две параллельные линии развития керамической посуды и её форм в том числе. Одна из них связана с культурами охотников-собирателей, вторая — с культурами земледельцев. Керамическая посуда охотников-собирателей, как мы знаем, появилась раньше и отличалась простыми однообразными формами, тогда как у земледельцев она возникла на несколько тысячелетий позже и уже в самых ранних памятниках самых первых земледельческих культур имела резко отличающийся и гораздо более развитый облик. Территориально эти процессы на востоке Азии были разведены, поскольку земледельческие культуры сложились в срединных районах Китая, а охотники-собиратели с керамикой обитали за пределами этой области (см.: Yanshina 2017; Яншина 2021).

Специфика нового — земледельческого — комплекса керамической посуды проявлялась во многих его параметрах, но здесь мне бы хотелось сосредоточить внимание на такой его черте, как функциональная специализация сосудов, поскольку именно она стоит за разнообразием форм земледельческой посуды и в значительной мере обуславливает его. Речь идёт о том, что посуда первых земледельцев Китая с самого начала чётко разделялась на столовую, представленную разного рода мисками, чашами, в том числе на ножках и поддонах, и амфоры, которые использовались для хранения и в погребальной

практике. Кухонная утварь также выделялась, но её морфологическая и технологическая обособленность чётко оформилась всё же чуть позже (рис. 4). И именно эта черта — функциональная дифференциация — наиболее резко различала посуду земледельцев и синхронных им соседних культур охотников-собирателей (рис. 5).

Правда, надо отметить, что с точки зрения выраженности данной черты земледельческие культуры Китая всё же несколько различаются. Так, в низовьях Янцзы, в среднем течении Хуанхэ, а также в междуречье Янцзы и Хуанхэ буквально вся керамическая посуда была поделена на формы, ассоциированные с разными функциями. Именно здесь и сформировался тот новый, более сложный её комплекс, который мы обсуждаем. В то же время в районах, граничащих с территориями расселения охотников-собирателей, керамическая посуда имела свои особенности (Яншина 2021).

Так, в среднем течении Янцзы (культура пэнтоушань), а также в Шаньдуне (культура хоули) чаши и амфоры на ранних этапах составляли лишь небольшую часть общего набора посуды, тогда как все остальные сохраняли и простоту форм, и отчасти традиции оформления, сложившиеся у соседних охотников-собирателей, и только ближе к моменту появления культур яншао и хэмуду они были полностью вытеснены. На юге Маньчжурии (культуры синлунва, чжаобаогоу и др.) ситуация была ещё более специфичной. Здесь вообще отсутствовали сосуды новых форм и буквально вся керамическая посуда была близка к керамике северных охотников-собирателей. И только спустя несколько тысячелетий эти отличия маньчжурских земледельцев удалось преодолеть, и их керамическая посуда стала похожа на всю остальную китайскую.

Ситуация весьма любопытная, но ещё большую интригу ей придаёт то обстоятельство, что новый комплекс керамической посуды ранних земледельцев Китая, резко специфичный на фоне посуды соседних культур охотников-собирателей, оказался весьма близок при этом к керамике, которая примерно в то же время появилась у земледельцев Передней Азии — на противоположном конце Евразии. Причём объединял их не только принцип функциональной специализации, но и некоторые конкретные особенности оформления, например наличие ножек, поддонов, ручек, и изготовления, например сплошной красный ангоб или отощение шелухой доместицированных растений (Яншина 2021).

Таким образом, основных вопросов, вытекающих из дальневосточных материалов, два. Во-первых, каковы истоки земледельческой керамики Китая, и во-вторых, почему она повторяет основные черты керамической посуды земледельцев Западной Евразии? В литературе имеется один ответ на оба эти вопроса, и связан он со спецификой труда

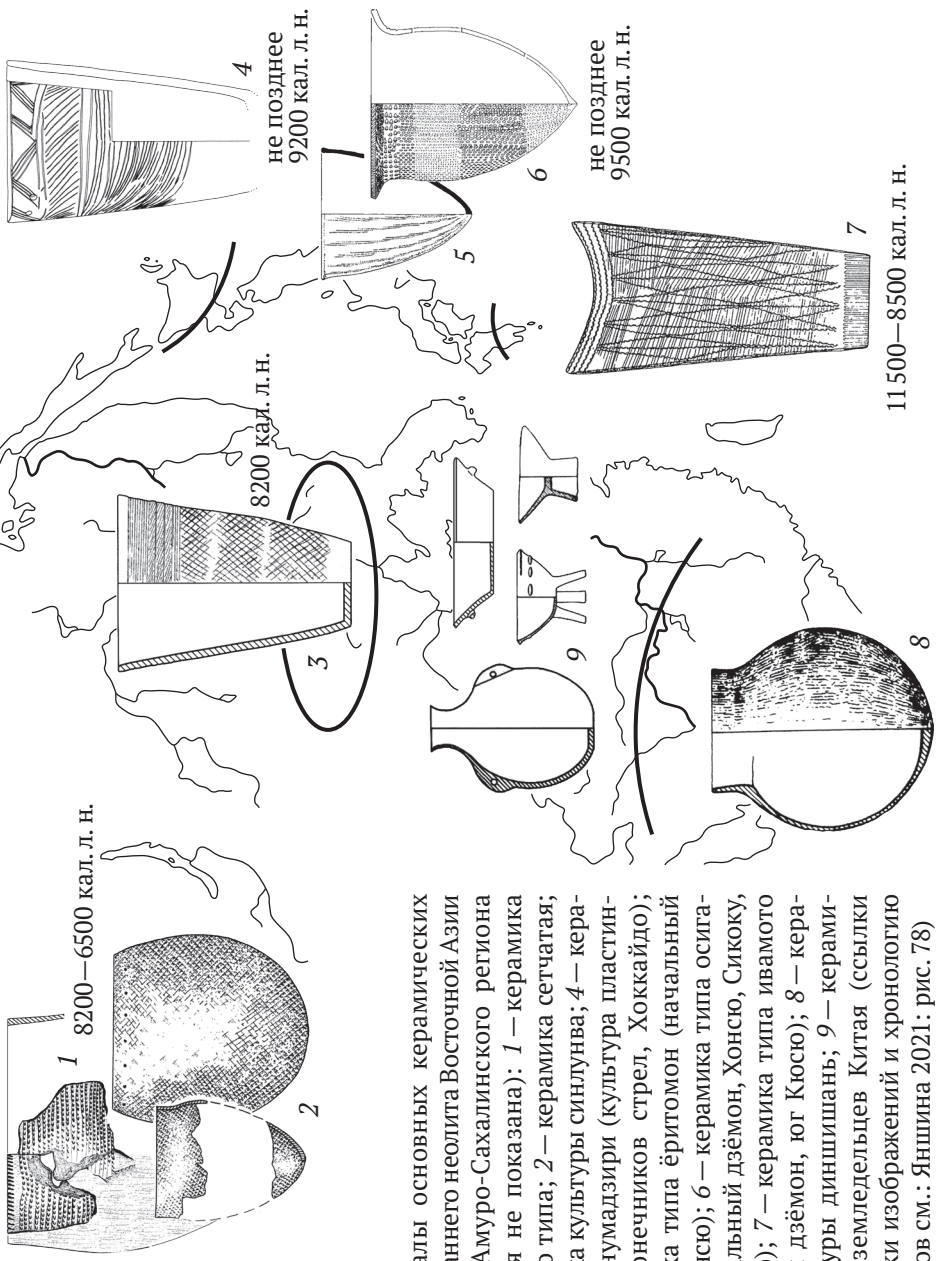

Рис. 5. Ареалы основных керамических традиций раннего неолита Восточной Азии (керамика Амуро-Сахалинского региона и Приморья не показана): *1* — керамика хайтинского типа; *2* — керамика сетчатая; *3* — керамика культуры синлунва; *4* — керамика типа нумадзири (культура пластинчатых наконечников стрел, Хоккайдо); *5* — керамика типа ёритомон (начальный дзёмон, Хонсю); *6* — керамика типа осигатамон (начальный дзёмон, Хонсю, Сикоку, север Кюсю); *7* — керамика типа ивамото (начальный дзёмон, юг Кюсю); *8* — керамика культуры диншишань; *9* — керамика ранних земледельцев Китая (ссылки на источники изображений и хронологию комплексов см.: Яншина 2021: рис. 78)

и культуры земледельцев. Однако всё ли он объясняет? И наибольшие сомнения здесь вызывает именно функциональная специализация.

С одной стороны, взаимная обусловленность формы и функции сосуда действительно является аксиомой, опирающейся на многочисленные эмпирические наблюдения за живой культурой. Известно, например, что сосуды с широким открытым горлом удобны для приготовления пищи, чаши и миски — для сервировки и подачи, кувшины и амфоры — для хранения и переливания жидкости; что погребальная и ритуальная посуда отличается особым богатством выделки. Но почему такой дифференциации нет у керамической посуды охотников-собирателей?

С другой стороны, надо понимать, что чёткая функциональная специализация посуды не могла возникнуть сразу, для её формирования должны были прежде сложиться хозяйственные потребности в сосудах разного вида, и именно с этой точки зрения материалы Западной и Восточной Азии сильно различаются.

У земледельцев Западной Азии керамическая посуда появляется хоть и позже, но сразу в развитом виде. Это проявляется и в качестве обжига, и в морфологии сосудов, которая уже в момент своего возникновения имела явные признаки функциональной специализации. По крайней мере, начиная примерно с эпохи пре-прото-хассуны на Ближнем Востоке отчётливо выделяются столовые сосуды, сосуды для хранения, а также кухонная посуда, хотя и менее чётко. Однако этому моменту там предшествовал длительный период, когда посуда изготавливалась разных форм из разных материалов и для разных хозяйственных целей. Именно по этой причине появление керамической посуды сразу с признаками функциональной специализации на западе Евразии выглядит логичным следствием предшествующего этапа развития, а на востоке вызывает вопросы и удивление (Gibbs 2015; Jeunesse 2021; Yanshina 2023).

Земледельческие культуры возникают в Китае не только внезапно и в сложившемся виде, но и в слабозаселённых районах, которые вступили на путь неолитизации с заметным отставанием от более северных и южных территорий, относительно густо заселённых охотниками-собирателями. И хотя китайские исследователи тратят огромные усилия, чтобы доказать обратное, все находки, отражающие самые ранние этапы неолитизации в Китае, происходят либо с самого юга (р. Жемчужная), либо с северо-востока (Северная Маньчжурия). Это означает, что те самые потребности, которые могли привести к функциональной специализации форм керамических сосудов, должны были складываться здесь именно в ареалах охотников-собирателей, но это, однако, не нашло никакого отражения в их керамической посуде.

Вопрос о возможных культурных связях и взаимодействии земледельческих и присваивающих культур этого времени, к сожалению, в основном не актуализирован в литературе, посвященной проблемам неолитизации на востоке Азии. Осуществлялась ли здесь какая-то передача традиций от охотников-собирателей к ранним земледельцам, мы достоверно не знаем, но если судить по керамической посуде, то такая передача если и осуществлялась, то она не имела никакого отношения к её функциональной специализации. В основном сходство прослеживается в форме дна и некоторых общих принципах орнаментации сосудов. Например, в среднем течении Янцзы это округлые донца, грушевидный контур и верёвочная обработка сосудов, на юге Маньчжурии — плоские донца и общие орнаментальные принципы, в Шаньдуне — форма дна.

Таким образом, прямо вывести функциональную специализацию земледельческой посуды на востоке Азии неоткуда, а вопрос этот оказывается частью более общего вопроса о происхождении земледельческих культур Китая, истоки которых неизвестны и явно лежат за пределами их ареалов, по крайней мере технологические.

Тема различий керамической посуды охотников-собирателей и земледельцев, конечно, поднималась в литературе и ранее. В основном исследователи подчёркивали естественные ограничения, которые накладывал на процесс её изготовления и эксплуатации мобильный образ жизни, и не касались при этом специфики её форм (Eerkens 2008, 2003; Beck 2009; Gibbs 2012; Sturm et al. 2016). Однако на фоне археологических открытий последних десятилетий представления об охотниках-собирателях как об исключительно мобильных и социально примитивных сообществах стали исчезать, а значит, все опирающиеся на них научные теории требуют ревизии.

Рассмотренные в этом разделе материалы буквально подталкивают к тому, чтобы объяснить загадочное появление сложного керамического комплекса посуды у ранних земледельцев Китая за счёт обмена технологиями с земледельцами, обитавшими на противоположном конце Евразии, хотя осторожность, принятая в рамках научного дискурса, заставляет от этого воздерживаться. Но тогда трудно понять не только неподготовленное возникновение функциональной специализации керамической посуды у земледельцев Китая, но и многие иные особенности их культуры, свидетельствующие о параллелизме в развитии земледельцев Западной и Восточной Азии (см. подробнее: Яншина 2021). Остаётся только надеяться, что благодаря развитию палеогенетики негласный запрет на диффузионистские объяснения тех или иных сходств в материальной культуре со временем будет снят.

На этом фоне будет полезно напомнить, что некие общие принципы и подходы к изготовлению керамической посуды среди ранних

земледельцев Западной и Восточной Азии складывались параллельно тому, как керамическая посуда стремительно распространялась и в северных регионах Евразии — от Байкала до Восточно-Европейской равнины — среди культур охотников-собирателей. И очень показательно, что эта посуда отличалась также заметным морфологическим сходством как между собой, так и с посудой охотников-собирателей на востоке Азии (ср.: Карманов 2018; Piezonka 2012; Hommel 2012, 2018). Резонно поэтому спросить, не одни ли и те же явления стояли за параллельным развитием двух совершенно разных подходов к изготовлению и эксплуатации керамической посуды на юге и севере Евразии.

Итак, ни на один из вопросов, поставленных в этом разделе, нет окончательного ответа, но всё же материалы Восточной Азии ставят под сомнение универсализм того широко распространённого и весьма популярного взгляда, согласно которому различия в посуде земледельцев и охотников-собирателей обусловлены прежде всего спецификой их хозяйства и культуры. Возможно, в более поздние эпохи это и было так, но на этапе формирования керамических технологий повсеместное распространение среди земледельцев одного керамического комплекса, а среди охотников-собирателей другого могло иметь иное объяснение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение хотелось отметить следующее.

Во-первых, рассмотренные нами источники не столько вносят какую-то ясность в понимание того, какие факторы определяли форму первых керамических сосудов на востоке Азии, сколько демонстрируют трудности, связанные с поисками ответа на этот вопрос, и обусловлены они одной и той же «аномалией». Оба наших кейса показывают появление тех или иных форм не вследствие местной поэтапной эволюции культуры, а внезапно, из ниоткуда. И в том и в другом случае мы не видим той технологической или общекультурной основы, из которой эти формы могли бы вырасти.

С одной стороны, эта ситуация сильно контрастирует с той, что сегодня складывается по материалам Западной Евразии, где наблюдается последовательная затяжная эволюция — от первых керамических поделок и ёмкостей из разных видов сырья к появлению функционально специализированного набора керамической посуды, причём эта эволюция органично вплетена в общий ход развития местных культур. С другой стороны, внезапное появление того или иного культурного комплекса в уже сложившемся виде — это стандартная

ситуация в археологии. Мы сталкиваемся с ней и при поиске истоков отдельных инноваций, и при возникновении новых археологических культур. Однако объяснять подобные случаи мы пока не научились.

Во-вторых, дальневосточные источники хотя и не дают однозначных ответов, но позволяют актуализировать вопрос о причинах сходства форм керамической посуды в культурах, разделённых огромными пространствами и формально независимых. И если раньше этот вопрос в контексте проблем происхождения гончарства ставился главным образом в отношении посуды охотников-собирателей, которая на ранних этапах неолита была в общем схожа на всём пространстве Северной Евразии, то теперь мы видим, что аналогичная ситуация в то же время складывалась и в более южном поясе Евразии, который осваивался ранними земледельцами. Является ли сходство форм керамической посуды в двух этих параллельных мирах следствием передачи культурных стереотипов и норм по сетям через разные механизмы культурного взаимодействия, или же обусловлено единством их культуры и образа жизни — это вопрос, который всё ещё ждёт своего ответа.

В-третьих, постепенное внедрение в археологию и в целом в науки о прошлом человечества основных положений теории биокультурной эволюции заставляет нас существенным образом менять и пересматривать некоторые ранее сложившиеся стереотипы, особенно в области изучения древних инноваций и механизмов передачи знаний. В нашем случае её положения побуждают, с одной стороны, более серьёзно отнестись к имитационной гипотезе возникновения форм первых керамических сосудов, даже при условии отсутствия реальных доказательств в её пользу, а с другой — также серьёзно отнестись и к отсутствию местных предпосылок для появления в Китае функционально специализированных керамических сосудов, которое, в свою очередь, подталкивает к иному пониманию различий в морфологии керамической посуды, сформировавшейся у земледельцев и охотников-собирателей Евразии.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ / REFERENCES AND SOURCES

Бобринский А.А. 2006. Данные технологии о происхождении гончарства. *Вопросы археологии Поволжья*, вып. 4: 413—421.

Bobrinskiy A.A. 2006. Technological Data on the Origin of Pottery. *Voprosy arkheologii Povolzh'ya*, iss. 4: 413—421. (In Russ.)

Жущиховская И.С. 2004. *Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России*. Владивосток: ДВО РАН.

Zhushchikhovskaya I.S. 2004. *Essays on the History of Ancient Pottery of the Russian Far East*. Vladivostok, DVO RAN Publ. (In Russ.)

История 2016: *История Китая с древнейших времён до начала XXI в.*: в 10 т. М.: Восточная литература. Т. 1. Древнейшая и древняя история по археологическим данным: от палеолита до V в. до н.э.

History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century: in 10 vols. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. Vol. 1. Ancient and Early History based on Archaeological Data: from the Paleolithic to the 5th Century B.C. (In Russ.)

Карманов В.Н. 2018. Керамическая посуда в культуре бродячих охотников Крайнего северо-востока Европы. *Самарский научный вестник*, № 7 (3): 230—240.

Karmanov V.N. 2018. Ceramic Vessels in the Culture of Nomadic Hunters of the Extreme Northeast of Europe. *Samarskiy nauchnyy vestnik*, No 7 (3): 230—240. (In Russ.)

Медведев В.Е., Цетлин Ю.Б., Волкова Е.В. 2016. Предварительные результаты технико-технологического изучения керамики новопетровской и громатухинской культур Приамурья. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*, т. XXII: 122—125.

Medvedev V.E., Tsetlin Yu.B., Volkova E.V. 2016. Preliminary Results of the Technical and Technological Study of Ceramics of the Novopetrovka and Gromatukha Cultures of the Amur Region. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*, vol. XXII: 122—125. (In Russ.)

Месуди А. 2019. *Культурная эволюция*. Москва: Дело.

Mesudi A. 2019. *Cultural Evolution*. Moscow, Delo Publ. (In Russ.)

Филатов Е.А. 2016. *Сухотинский геоархеологический комплекс: научный путеводитель по палеолитическим памятникам Сухотинского геоархеологического комплекса*. Чита.

Filatov E.A. 2016. *Sukhotino Geoarchaeological Complex: Scientific Guide to the Paleolithic Sites of the Sukhotino Geoarchaeological Complex*. Chita. (In Russ.)

Цетлин Ю.Б. 2012. *Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода*. Москва: ИА РАН.

Tsetlin Yu.B. 2012. *Ancient Ceramics. Theory and Methods of the Historical-Cultural Approach*. Moscow, IA RAN Publ. (In Russ.)

Яншина О.В. 2016. О происхождении орнамента на керамической посуде. *Орнаментика в артефактах традиционных культур. Материалы Пятнадцатых международных Санкт-Петербургских этнографических чтений* / под ред. В.М. Грусмана, Е.Е. Герасименко. Санкт-Петербург: ИПЦ СПГУТД: 75—84.

Yanshina O.V. 2016. On the Origin of Ornament on Ceramic Vessels. *Ornamentation in Artifacts of Traditional Cultures. Proceedings of the Fifteenth International St. Petersburg Ethnographic Readings*. Ed. by V.M. Grusman, E.E. Gerasimenko. Saint Petersburg, IPTs SPGUTD Publ.: 75—84. (In Russ.)

Яншина О.В. 2018. Об имитативной природе орнамента на керамической посуде. *От ремесла к искусству. Тезисы докладов международной науч.-практич. конф. 22—25 мая 2018 г.* Санкт-Петербург: СПГХПА им. А.Л. Штиглица: 18—19.

Yanshina O.V. 2018. On the Imitative Nature of Ornament on Ceramic Vessels. *From Craft to Art. Abstracts of the International Scientific-Practical Conference, May 22—25, 2018*. Saint Petersburg, SPGKhPA im. A.L. Shtiglitsa Publ.: 18—19. (In Russ.)

Яншина О.В. 2021. *Переход от палеолита к неолиту в Китае*. Спб.: МАЭ РАН.
Yanshina O.V. 2021. *Transition from the Paleolithic to the Neolithic in China*. Saint Petersburg, MAE RAN Publ. (In Russ.)

Beck M.E. 2009. Residential Mobility and Ceramic Exchange: Ethnography and Archaeological Implications. *Journal of Archaeolological Method and Theory*, No 16: 320—356.

Boyd R., Richerson P.J. 1996. Why Culture is Common, but Cultural Evolution is Rare. *Proceedings of the British Academy*, No 88: 77—93.

Cohen D. 2011. The Beginnings of Agriculture in China: a Miltiregional View. *Current Anthropology*, No 52 (S4): 237—293.

Dolbunova E., Lucquin A., McLaughlin R., Bondetti M., Courel B., Oras E., Piezonka H., Robson H.K., Talbot H., Adamczak K., Andreev K., Asheichyk V., Charniauski M., Czekaj-Zastawny A., Ezepenko I., Grechkina T., Gunnarssone A., Gusentsova T.M., Haskevych D., Ivanischeva M., Kabaciński J., Karmanov V., Kosorukova N., Kostyleva E., Kriiska A., Kukawka S., Lozovskaya O., Mazurkevich A., Nedomolkina N., Piličiauskas G., Sinitsyna G.A., Skorobogatov A., Smolyaninov R.V., Surkov A., Tkachov O., Tkachova M., Tsybrij A., Tsybrij V., Vybornov A.A., Wawrusiewicz A., Yudin A.I., Meadows J., Heron C., Craig O.E. 2023. The Transmission of Pottery Technology among Prehistoric European Hunter — Gatherers. *Nature Human Behaviour*, No 7: 171—183.

Eerkens J.W. 2003. Residential Mobility and Pottery Use in the Western Great Basin. *Current Anthropology*, No 44 (5): 728—738.

Eerkens J.W. 2008. Nomadic Potters: Relationships between Ceramic Technologies and Mobility. *The Archaeology of Mobility: Old World and New World Nomadism*. Ed. by H. Barnard, W. Wendrich. Los Angeles, Cotsen Institute of Archaeology Press: 307—319.

Eerkens J.W., Lipo C.P. 2005. Cultural Transmission, Copying Errors, and the Generation of Variation in Material Culture. *Journal of Anthropological Archaeology*, No 24 (4): 316—334.

Frieman C. 2013. Innovation and Identity: The Language and Reality of Prehistoric Imitation and Technological Change. *The Archaeology of Hybrid Material Culture*. Ed. by J. Card. Illinois, Southern Illinois University Press: 318—341.

Frieman C. 2021. *An Archaeology of Innovation: Approaching Social and Technological Change in Human Society*. 23 September, 2021. Available at: https://doi.org/10.7765/9781526132659.

Gibbs K. 2012. Not Meant to Last: Mobility and Disposable Pottery. *Documenta Praehistorica*, No 39: 83—93.

Gibbs K. 2015. Pottery Invention and Innovation in East Asia and the Near East. *Cambridge Archaeological Journal*, No 25 (1): 339—350.

Hearle J.W.S. 2016. One-Dimensional Textiles: Rope, Cord, Twine, Webbing, and Nets. *Handbook of Technical Textiles*. Cambridge, Woodhead Publishing (Elsevier): 345—360. (Woodhead Publishing Series in Textiles. Vol. 1).

Hommel P. 2012. *The Emergence of Ceramics among Hunter — Gatherers in Northern Eurasia: The Neolithic Ceramic of the Upper Vitim Basin, Northern Transbaikal, Siberia*. Author's Abstract of the PhD in hist. sci. diss. Sheffield.

Hommel P. 2013. Hunter-Gatherer Innovations: Ceramic Technology. *The Oxford Handbook of the Archaeology and Anthropology of Hunter Gatherers*. Oxford, Oxford University Press: 663—675.

Hommel P. 2018. What's the Point? Globalization and the Emergence of Ceramic-Using Hunter-Gatherers in Northern Eurasia. In Globalisation and the People without History. Ed. by N. Boivin, M. Frachetti. Cambridge, Cambridge University Press: 15—42.

Huang Hai 2008. *A Three Stage Model for the Domestication of Oryza Sativa and the Emergence of Rice Agriculture in China, 1200—7000 bp*. Author's Abstract of the PhD in hist. sci. diss. Kanzas.

Hyland D.C., Zhushchikhovskaya I.S., Medvedev V.E., Derevyanko A.P., Tabarev A.V. 2002. Pleistocene Textiles in the Russian Far East: Impressions from Some of the World's Oldest Pottery. *Anthropologie*, No XL/1: 1—10.

Jeunesse C. 2021. From Invention to Innovation: Technical Systems in Late Prehistory. *Contextualising Ancient Technology: From Archaeological Case Studies Towards a Social Theory of Ancient Innovation Processes*. Ed. by F. Klimscha, S. Hansen, J. Renn. Berlin, Edition Topoi Publ.: 57—67.

Jiang Leping, Liu Li 2005. The Discovery of an 8000-Year-Old Dugout Canoe at Kuahuqiao in the Lower Yangzi River, China. *Antiquity 79 Project Gallery*. Available at: http://antiquity.ac.uk/projgall/liu/index.html.

Jordan P., Zvelebil M. 2009 (eds.). *Ceramics before Farming: the Dispersal of Pottery among Prehistoric Eurasian Hunter — Gatherers*. London, Publications of the Institute of Archaeology, University College London.

Kobayashi Tatsuo. 2008. *Handbook of the Jomon Pottery*. Tokyo, Amu Puromōshon. (In Jap.)

小林達雄. *総覧縄文土器: 小林達雄先生古稀記念企画 = Справочник по керамике дзёмон*. Токио: アム・プロモーション.

Kuzmin Y. 2012. The Earliest Surviving Textiles in East Asia from Chertovy Vorota Cave, Primorye Province, Russian Far East. *Antiquity*, No 86: 325—337.

Lucas A.J., Kings M., Whittle D., Davey E., Happé F., Caldwell C.A., Thornton A. 2020. The Value of Teaching Increases with Tool Complexity in Cumulative Cultural Evolution. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, No 287: 20201885. Available at: http://dx.doi.org/10.1098/rspb.2020.1885.

Mesoudi A., Thornton A. 2018. What Is Cumulative Cultural Evolution? *Royal Society Collection*, vol. 285: 20180712. DOI: 10.1098/rspb.2018.0712.

Noshiro Shuichi, Sasaki Yuka, Kobayashi Kazutaka, Suzuki Mitsuo, Nishida Iwao. 2019. Material Selection and Weaving Techniques for the Oldest Basketry in Japan Found at the Higashimyou Site, Saga Prefecture. *Journal of Archaeological Science: Reports*, No 23: 12—24.

Petrova N. 2019. The Development of Neolithic Pottery Technology in Eastern Jazira and the Zagros Mountains. *Documenta Praehistorica*, No XLVI: 128—136.

Piezonka H. 2012. Stone Age Hunter — Gatherer Ceramics of North-Eastern Europe: New Insights into the Dispersal of an Essential Innovation. *Documenta Praehistorica*, No XXXIX: 23—51.

Pitul'ko V.V., Pavlova E.Yu., Nikolskiy P.A., Ivanova V.V. 2012. The Oldest Art of the Eurasian Arctic: Personal Ornaments and Symbolic Objects from Yana RHS, Arctic Siberia. *Antiquity*, No 86: 642—659.

Rise P. 1999. On the Origin of Pottery. *Journal of Archaeological Method and Theory*, No 6: 1—54.

Schillinger K., Mesoudi A., Lycett S.J. 2015. The Impact of Imitative versus Emulative Learning Mechanisms on Artifactual Variation: Implications for the Evolution of Material Culture. *Evolution and Human Behavior*, No 36 (6): 446—455.

Sturm C., Clark J.K., Barton L. 2016. The Logic of Ceramic Technology in Marginal Environments: Implication for Mobile Life. *American Antiquity*, No 81 (4): 645—663.

Yanshina O. 2017. The Earliest Pottery of the Eastern Part of Asia: Similarities and Differences. *Quaternary International*, No 441: 69—80.

Yanshina O. 2019. Understanding the Specific Nature of the East Asia Neolithic Transition. *Documenta Praehistorica*, No XLVI: 8—29.

Yanshina O. 2023. Could the Early Pottery of East Asia have Vestern Roots? *Mul'tidistsiplinarnyye issledovaniya v arkheologii*, No 1: 56—128.

Zengpiyan 2003: Institute of Archaeology, Chinese Academy of Social Sciences, Archaeological Team of the Guangxi Zhuang Municipality, Zengpiyan Museum, Archaeological Team of Guiling City (ed.). *Zengpiyan — a Prehistoric Site in Guilin*. Beijing, The Cultural Relics Publishing House, 2003. (In Chin.)

桂林甑皮岩 / 中国社会科学院考古研究所 广西壮族自治区文物工作队 桂林甑皮岩遗址博物馆 桂林市文物工作队 = Цзэнпиянь — доисторический памятник провинции Гулинь / Институт археологии Китайской академии общественных наук, Археологическая группа Гуанси-Чжуанского автономного района, Музей памятника Цзэнпиянь в Гуйлине, Археологическая группа города Гуйлинь. Пекин: 文物出版社.

Дата поступления в редакцию 02.04.2026